

Пылающий остров

Автор:

[Луи Буссенар](#)

Пылающий остров

Луи Анри Буссенар

Мадемуазель Фрикет #2

«Звучным как труба голосом полковник скомандовал:

– Разнуздать лошадей!

Полк, ехавший легкой рысью, вдруг остановился; послышался металлический звук оружия и раздалось фыркание лошадей.

С ловкостью привычных кавалеристов всадники соскочили на землю, сняли с лошадей удила и снова вскочили в седла...»

Луи Буссенар

Пылающий остров

* * *

Глава I

Звучным как труба голосом полковник скомандовал:

– Разнуздать лошадей!

Полк, ехавший легкой рысью, вдруг остановился; послышался металлический звук оружия и раздалось фыркание лошадей.

С ловкостью привычных кавалеристов всадники соскочили на землю, сняли с лошадей удила и снова вскочили в седла.

Полковник поднялся в стременах, вытянул руку, в которой сверкнуло короткое массивное лезвие сабли, и, полуобернув к солдатам голову, покрытую широкой серой поярковой шляпой, немного приподнятой спереди, крикнул тем же звенящим, как медь, голосом:

– В галоп!

Точно судорога пробежала по рядам всадников, и по равнине раскатился единодушный крик тысячи голосов:

– Да здравствует свободная Куба!

Затем весь полк бросился вперед.

Всадники не только не думали сдерживать своих лошадей, мчавшихся во весь опор, как попало, но даже, потрясая своими страшными мачете[2 - Короткое лезвие, насаженное на длинную палку. – Примеч. переводч.], еще сильнее возбуждали их голосом и шпорами.

Началась бешеная скачка. Вытянувшиеся во всю длину лошади казались издали неподвижными.

Это было красивое зрелище! Смелые всадники, воспламененные любовью к отечеству, без колебания и сожаления неслись на верную смерть.

Что значила для этих отважных людей та темная масса неприятельской пехоты, с которой они сейчас должны будут столкнуться и подставить свою грудь под выстрелы, неясные звуки которых уже достигали их слуха?

Родина требовала от своих сыновей последней жертвы, и они с радостью несли эту жертву – свою кровь и жизнь.

По примеру всех храбрых вождей, подающих собою пример, полковник с высоко поднятой саблей скакал впереди полка.

Еще очень молодой, высокого роста, сильный и гибкий, он был очень хорош со своим белым лицом, ярким румянцем щек, черными огненными глазами и небольшой темной бородой. Он весь в эту минуту горел жаждою мести и геройской храбростью.

Человек дела, в самом обширном значении этого слова, он точно был создан для того, чтоб стать во главе инсургентов в этот решительный момент, когда от последнего отчаянного усилия зависела вся будущность родины.

Атака должна была налететь вихрем на ряды неприятелей, причем каждая лошадь, предоставленная самой себе, увлеченная общим, непреодолимым движением, представляла собою как бы заряд, пролетающий сквозь массу тел, которые преграждают ей путь.

Расстояние между кубинской кавалерией и испанской пехотой уменьшалось с каждым мгновением.

Треск ружейных выстрелов становился все громче и чаще. Пули выбивали из строя лошадей, которые, взвившись на дыбы, тяжело падали на землю, издававшую при этом какой-то глухой гул. Придавленные ими всадники, мучаясь в предсмертной агонии, все-таки шептали:

– Да здравствует свободная Куба!

Недалеко от полковника вдруг раздался легкий женский крик.

Он обернулся и, взглянув на первый ряд всадников, среди которых виднелась грациозная фигура амазонки, пробормотал:

- Бедняжка Долорес! Кажется, ее ранили...

Действительно, мчавшейся вместе с кавалеристами молодой девушке поразительной красоты только что раздробило пулей левую руку...

Ей хотели оказать помощь, но она запротестовала и, как бы устыдившись своей слабости, быстро проговорила:

- Оставьте! Оставьте! Не забудьте, что я такой же борец за независимость, как и вы.

И, преодолевая страшным усилием воли боль, она осталась в седле. Сжимая здоровой рукой рукоять револьвера, она старалась не обращать более внимания на раненую руку.

- Вперед! - скомандовал полковник своему отряду.

Насколько была энергична атака кубинцев, настолько мужествен был отпор испанцев.

Малочисленные, но дисциплинированные и храбрые, испанцы готовились дать отчаянный бой.

Испанцам хорошо была известна страшная команда: «Вперед!» И они уже не раз испытали, как действуют кубинцы своими мачете, служащими в мирное время для резки сахарного тростника, а во время восстаний - ужасным оружием.

Бледные и истощенные лихорадкой, малокровием от непривычного климата, испанские солдаты скорее походили на привидения, нежели на живых людей. Тем не менее, верные знамени своей родины, они готовились победить или умереть.

Захваченные врасплох неожиданным нападением, первые ряды, разбившиеся на кучки для стрельбы, не успели сомкнуться плотной массой и противопоставить

налетающей кавалерии лес штыков и потому продолжали стрелять наудачу.

За первым рядом испанцев тоже виднелась женщина. Она сидела под манговым деревом и бесстрашно смотрела на приближающуюся неприятельскую кавалерию, чувствуя лишь легкое нервное беспокойство.

Одетая в синий полотняный костюм, обутая в изящные желтые ботинки, кокетливо прикрыв голову военной каской, она была очень миловидна. На левой руке ее красовалась белая перевязь с красным крестом, за кожаным поясом виднелся револьвер, а через плечо была перекинута красная сафьяновая сумка.

Кто раз видел эту молодую миловидную девушку, спокойную, решительную и энергичную, тот никогда уже не мог забыть ее – до такой степени она пленяла собою воображение.

Судя по ее светлым кудрям, выбивавшимся целым каскадом из-под каски, по ее живым и ясным глазам и нежному цвету лица, она не была креолкой, как можно было бы предположить с первого взгляда. Возле нее столпилось человек двадцать мужчин, тоже вооруженных револьверами и носивших повязку Красного Креста, – очевидно, санитаров.

Перед этой группой лежало на земле с десятков носилок.

За минуту перед тем один из санитаров прикрепил к ветви мангового дерева белый флаг с красным крестом.

Один из капитанов крикнул:

– Берегитесь, мадемуазель Фрикетта!

Молодая девушка только улыбнулась и пожала плечами.

– Пусть будет, что будет! – проговорила она.

Капитан продолжал:

– По крайней мере, вы спрятались бы за стволом дерева. Имейте в виду, где пройдет кавалерия, там ничего не останется.

И действительно, кавалерия налетела с гулом и грохотом, точно гроза.

В течение нескольких минут испанские стрелки еще продолжали стрелять. Лошади инсургентов падали одна за другой, увлекая под себя мертвых или раненых всадников. Там и сям образовались груды тел, корчившихся в предсмертных судорогах. Всюду слышались стоны, вопли, крики проклятий, жалобные возгласы...

Разреженные ряды эскадронов мигом смыкались и мчались далее. Сверкающие сабли, звон оружия, глухой треск разбиваемых черепов, – все это сливалось в один хаос невообразимых звуков. Вслед за тем этот живой смерч исчез, оставив за собою горы смятых тел и реки дымящейся крови. Посреди изуродованных до неузнаваемости трупов шевелились еще живые тела.

Оцепенев от ужаса, смотрела Фрикетта на страшную картину, развернувшуюся перед нею с такой быстротой, что девушка не успела опомниться.

Она вышла из-за дерева, за которым скрывалась, все-таки последовав благоразумному совету. В нескольких шагах от нее лежал с раскрытым черепом тот, кто подал ей этот спасительный совет.

Половина санитаров тоже была перебита.

Кавалерия, сделав свое страшное дело и оставив на месте стычки гораздо более убитых и раненых из своих рядов, нежели из неприятельских, уже скрывалась за линией горизонта.

Среди груды тел Фрикетта заметила и инсургентского полковника. Несчастный молодой человек, которого она за несколько минут перед тем видела гордо несшимся на коне впереди своего полка, лежал теперь распростертым навзничь. Фрикетта подошла к нему. Он еще дышал, широко открыв глаза. Правой рукой он судорожно сжимал рукоять своей сабли. Пуля пробила грудь, и его белый камзол был весь залитый ярко-красной кровью.

Фрикетта подозвала санитаря, который неохотно подошел, и сделала ему знак приподнять раненого. Убедившись, что пуля не прошла навывлет, молодая девушка осторожно разрешила камзол и рубашку раненого и ощупала его грудь. В одном месте оказалась выпуклость – очевидно, там и засела пуля.

Достав из своей сумки операционный нож, она твердой рукой сделала разрез выпуклости. Затем осторожно вложила в этот разрез большой и указательный пальцы и через секунду извлекла из раны ружейную пулю.

Правое легкое раненого было пробито насквозь.

Тщательно промыв рану свежей водой и закрыв ее гигроскопической ватой, Фрикетта наложила повязку.

Раненый глубоко вздохнул, взглянул на молодую девушку и с усилием прошептал:

– Благодарю! – потом, видимо, мучаясь какой-то безотвязной мыслью, тихо добавил: – Сестра... Спасите... мою сестру!

– Хорошо, я найду ее и сделаю все, что могу, только ради Бога, не говорите больше и не шевелитесь.

Услышав позади себя шуршанье платья, Фрикетта оглянулась и невольно вскрикнула от изумления, увидев перед собою раненую амазонку.

– Брат, это я! – проговорила молодая кубинка, стараясь удержаться на ногах.

Оказалось, что лошадь смелой молодой девушки упала как раз в тот самый момент, когда был сброшен на землю шальной пулей и полковник. Оглушенная падением, амазонка наконец очнулась и, преодолевая страшную боль, старалась подняться на ноги. Ей это удалось с громадным трудом. Увидев вдали сестру милосердия, хлопотавшую около раненого, она решила направиться к ней. Придерживая здоровой рукой раненую руку, вся разбитая и сильно помятая, она кое-как дотащила до Фрикетты.

Девушка хотела осмотреть и перевязать руку прелестной кубинки, но она только пожала плечами и сказала:

– Для чего это?

– Для того чтобы вы не лишились руки, – отвечала Фрикетта, наскоро перевязывая руку девушки.

– Мы скоро лишимся жизни! – усмехнулась последняя. – Как начнут расстреливать нас без суда, так нам нечего уж будет заботиться о раненых руках и ногах...

– Не может быть, чтобы испанцы расстреливали раненых пленных! – воскликнула Фрикетта.

– Вы так думаете? – с горькой улыбкой проговорила кубинка. – Ну, меня и брата, во всяком случае, не пощадят... Ведь мой брат – полковник Карлос Валиенте, а я – Долорес Валиенте. Поняли вы теперь?

– Понимаю. Я слышала, что вы оба известные герои борьбы за независимость. К таким-то именно людям испанцы и должны относиться с уважением.

– Полноте! Помните, что даже во Франции, этой стране великодушия, расстреливали раненых пленников во время коммуны. Вообще во времена гражданских междоусобиц благородным чувствам нет места.

Издали приближался отряд кавалерии под командой блестящего штабного офицера.

Кивнув головой на этот отряд, Долорес с презрительной улыбкой добавила:

– Видите, я была права. Наши минуты сочтены... смерть перед нами... Но все равно! Мы умрем, как жили – честно и безбоязненно!.. Благодарю вас, мадемуазель, благодарю от имени всех кубинцев за вашу доброту, которую вы проявляли столько раз.

– Разве вы меня знаете? – спросила Фрикетта.

– Мы слышали, что в рядах испанцев находится молодая француженка, посвятившая себя служению несчастным жертвам войны и ухаживавшая с одинаковой самоотверженностью за друзьями и за врагами. Эта француженка – вы.

– Ага! Вот она, эта Валиенте! – слышалось из приближающегося отряда. – Смерть мятежнице Валиенте!

Фрикетта инстинктивно загородила собою брата и сестру.

Наэлектризованный приближением неприятеля полковник силился подняться, чтоб умереть на ногах, как следует солдату.

Кавалеристы скакали прямо к перевязочному пункту. Потрясая карабинами и саблями, они громко кричали:

– Смерть Валиенте! Смерть мятежникам!

В приближавшемся отряде Фрикетта узнала испанских волонтеров, в ряды которых шли по большей части колонисты или представители древних креольских фамилий, горевшие ненавистью к мятежникам.

Офицер был человек лет сорока пяти, с красивым и благородным лицом, искаженным теперь до неузнаваемости злобой и ненавистью. На нем были знаки отличия полковника волонтеров. В руке, дрожавшей от бешенства, сверкало дуло револьвера.

Остановив свою лошадь в четырех шагах от Фрикетты, он крикнул хриплым от гнева голосом:

– Посторонитесь!

Фрикетта расставила руки и выставила вперед грудь, очевидно, решившись защищать умирающего кубинского героя и его сестру до последнего вздоха.

Бледная и трепещущая от негодования, она воскликнула:

– Пока я жива, вы не подойдете к ним!

По лицу офицера промелькнуло что-то вроде сострадания, и он сказал почти мягко:

– Дитя мое, не вмешивайтесь не в свое дело... Посторонитесь, говорю вам в последний раз, или вы погибнете сами и все-таки никого не спасете!

– Я готова погибнуть! Стреляйте! – ответила молодая француженка, смело смотря прямо в сверкающие глаза всадника. – Убивайте же меня скорее!.. Что же вы медлите, подлый убийца беззащитных?

Офицер с проклятием поднял револьвер, прицелился и выстрелил.

Глава II

Каким-то чудом Фрикетта не была задета пулей. Рука испанца до такой степени дрожала от ярости, что он никак не мог верно прицелиться; кроме того, его смущал устремленный на него пронзительный взгляд молодой француженки. Обернувшись к своим солдатам, он крикнул:

– Стреляйте в них!.. Пли!..

Ружья звякнули, но выстрелов не последовало. Солдаты не хотели стрелять в беззащитных!

Полковник позеленел.

– Перец! – обратился он к унтер-офицеру. – Выбери десять человек и расстреляй этих пленных бунтовщиков. Ты мне ответишь лично, если приказ мой не будет исполнен.

Унтер-офицер постоял с полминуты в нерешительности, потом сказал:

– Воля ваша, господин полковник, но мы стрелять в них не будем. Мы солдаты, а не убийцы... И потом – мы все так обязаны французской барышне. Скольких из нас она вылечила!

– Да! Да!.. – подтвердили солдаты. – Мы не убийцы!.. И барышня эта сто раз заслужила наше спасибо!

Сам полковник стал колебаться. В нем, видимо, заговорила кастильская доблесть, уснувшая было на минуту. Фрикетта снова обратилась к нему:

– Полковник Агвилар-и-Вега, вы разве не согласны с вашими солдатами? Разве я не оказала вашей армии кое-каких услуг?

– Совершенно верно, сеньорита: вы оказали нам большие услуги.

– Просила ли я себе чего-нибудь?

– Никогда ничего.

– Полковник, хотите вы вознаградить меня за них, и даже с избытком?

– Что вам угодно будет приказать, сеньорита?

– Пощадите этих раненых... доставьте мне возможность поместить их в госпиталь... Обещайте мне, что по излечении они получат свободу...

Рыцарская честь не позволила испанцу ответить отказом. Он любезно поклонился и сказал:

– Первые два ваши условия, сеньорита, я принимаю; но второе зависит не от меня, а только от главнокомандующего.

– Хорошо, но в таком случае пусть они считаются военнопленными, а не бунтовщиками. Это вы можете мне обещать?

– Это могу.

– Даете слово?

– Даю.

– Благодарю вас, полковник. Теперь я вознаграждена сторицей... Позвольте же мне взять четырех солдат и носилки для раненых.

Во время этого разговора Долорес, до сих пор с усилием державшаяся на ногах, медленно опустилась на землю возле брата, который все видел и слышал, но не мог пошевелиться, не мог произнести ни одного слова.

Испанский полковник приблизился к нему и тихим шипящим голосом, как бы процеживал яд, проговорил:

– Карлос Валиенте, мы еще увидимся. Моя ненависть неизменна. Моя месть тебя найдет.

Он повернул лошадь и быстро ускакал.

Фрикетта занялась ранеными.

– Тише, тише! – говорила она солдатам, которые укладывали брата и сестру на носилки. – Осторожнее, друзья мои!

– Не бойтесь, сеньорита. Уж мы постараемся! Мы ведь хорошо знаем и полковника Карлоса, и его сестрицу.

– Храбрый и честный!

– И добрый: меня из плена отпустил.

– А я был ранен, и донья Долорес ходила за мной.

– И за мной тоже...

Так говорили солдаты, таща носилки. Фрикетта шла за ними. Через некоторое время шествие достигло лазаретной фуры. Фрикетта поспешила устроить в ней поудобнее раненого и раненую; унтер-офицер сел за кучера, и фура поехала. Два часа спустя она достигла железнодорожной станции, где раненые и провожатые были приняты на военный поезд, быстро доставивший их в Гавану.

До Гаваны уже дошли слухи о взятии в плен полковника Карлоса Валиенте и о его тяжелой, быть может, даже смертельной ране. Известно было и то, что его сестру Долорес везут тем же поездом и что она тоже ранена. На вокзале собралась довольно шумная, но не враждебно настроенная толпа любопытных.

Хотя некоторые испанские командиры и позволяли себе иной раз жестокое обращение с пленными, но в общем испанская армия обращалась с инсургентами довольно гуманно. Что касается инсургентских вождей, то они в этом отношении первые стали подавать добрый пример.

Раненого полковника и его сестру беспрепятственно перевезли с вокзала в военный госпиталь; главный доктор охотно принял их и предоставил Фрикетте лечить их по ее усмотрению.

Состояние Карлоса Валиенте было, на первый взгляд, безнадежное, но Фрикетта была свидетельницей многих чудес хирургии и хотела испробовать все средства и способы.

Донья Долорес осыпала молодую француженку горячими изъявлениями благодарности и тем сконфузила ее чрезвычайно. Фрикетта сделала обоим раненым перевязку с ловкостью и проворством опытного полевого хирурга и прилегла на койку немного отдохнуть, так как изнемогала от усталости.

Не успела она полежать и четверти часа, как в дверь палаты постучались. Фрикетта встала отворить. Перед ней стоял госпитальный служитель.

– У нас один умер, сеньорита... Три часа тому назад.

– Кто умер? – спросонья не поняла Фрикетта.

– Больной... у него была желтая лихорадка... Если вы хотите видеть труп, то поторопитесь.

Не довольствуясь уходом за ранеными и больными, Фрикетта, кроме того, прилежно изучала свойства микроба желтой лихорадки. Выделив этот микроб, она стала изучать его, пытаясь найти средство для лечения или прививки этой ужасной болезни, настоящего бича европейцев.

Ей уже удалось достигнуть некоторых частных результатов, и она надеялась в скором времени преподнести человечеству новое открытие вроде тех, какие делал знаменитый Пастер.

В это время желтая лихорадка свирепствовала на всей Кубе, опустошая приморские города и местечки. Форма болезни была особенно тяжелая. Заболевавшие быстро умирали: сильная головная боль, невыносимое колотье в почках, черная рвота, несколько бурых пятен на коже – и готов человек...

Накануне вечером в госпиталь доставили матроса с только что прибывшего судна. Фрикетта едва успела мельком взглянуть на него – и вдруг узнает, что он уже умер. Она прошла в анатомическую комнату и увидела на мраморном столе труп, одетый в матросскую рубашу и шаровары. Надев широкий операционный балахон, она взяла нож, разрежала на нем рубашку и уже собиралась сделать первый надрез, как вдруг невольно вздрогнула всем телом. Ей показалось, что этот холодный труп, покрытый желтыми пятнами, немного пошевелился.

Неужели покойник жив?

Боже мой! Что, если это правда?

Так и есть... Он двигается...

На соседнем столе стоял ящичек с реактивами. Схватив пузырек с нашатырным спиртом, Фрикетта откупорила его и поднесла к носу несчастного.

Движения его оживились... Грудь поднялась... Покойник приподнялся. Весь содрогнувшись, он вдруг чихнул на всю залу и спросил по-французски, но на провансальском наречии:

- Qu'es асо?

Фрикетта радостно вскричала:

- Да он не умер!

- Нет, я не умер, но только живот у меня чертовски режет.

- Немудрено: вы возвращаетесь из далекого путешествия. У вас, любезнейший, была желтая лихорадка.

- Была?.. Стало быть, я выздоровел?

- По-видимому, да. Но, скажу я вам, это случилось как раз вовремя: ведь я уже собиралась вас потрошить.

- Так я, стало быть, лежу в покойницкой?

- Да.

- Недурно... для провансальца.

- А вы разве провансалец?

- Да... родом. Но вот уже двадцать пять лет как я плаваю по морю. Тем не менее, когда я стану рассказывать, как я, Мариус Кабуфиг, умер от желтой лихорадки, подвергся вскрытию и воскрес, то все воскликнут: «Эка врет-то! Настоящий провансалец!» Однако, сударыня, если я не покойник, то прикажите перенести меня отсюда, а то все же мне тут несколько жутко.

- С удовольствием, мой друг.

Воскресший мертвец болтал с лихорадочной торопливостью. Фрикетта велела ему замолчать и позвала слугителей, чтобы перенести его из зала и уложить в постель.

Воскресший мертвец, как только его положили на прежнюю койку, заснул крепким, тяжелым сном.

Глава III

Прошло три недели после описанных нами драматических событий. Опытность, знания и преданность своему делу со стороны мадемуазель Фрикетты делали чудеса. Кубинская героиня Долорес Валиенте стала заметно поправляться. Раненую руку оказалось возможным не ампутировать. Сначала, впрочем, консилиум врачей признавал ампутацию необходимой, но Долорес объявила, что предпочтет смерть, а не даст себя калечить.

Тогда Фрикетта решила лечить без ампутации – и результат получился удивительный для нее самой. Вскоре Долорес встала с постели, хотя рука ее была еще на перевязи.

Карлос Валиенте тоже поправился от своей ужасной раны. Он уже привставал на постели и с аппетитом ел, хотя все еще был очень слаб.

Наконец матрос, внезапно оживший под ножом Фрикетты, выздоровел совершенно.

Оригинальный тип представлял собой этот провансалец. Шумный, суетливый, болтливый, подвижный как обезьяна, сильный как бык, находчивый и при всем том добрейшей души, он имел наружность довольно устрашающую: был весь покрыт волосами, черен кожей и отличался необыкновенно громким голосом. Через неделю его выписали. Судно его накануне ушло, таким образом он очутился на мостовой. Эта перспектива не особенно его пугала, но ему не хотелось расставаться со своей спасительницей, не отблагодарив ее как следует. Перед уходом он зашел проститься с Фрикеттой и сконфуженно стоял перед ней, изо всех сил теребя свою фуражку. У Фрикетты у самой было не густо по денежной части, но все-таки она предложила к услугам матроса свой тощий кошелек.

Матрос тихо поблагодарил и отказался...

– Нет, только не это! – сказал он. – Не предлагайте мне денег!.. Я, видите ли, совсем напротив... Чертовская моя судьба!.. Вот что, мадемуазель: возьмите меня к себе в денщики.

Последние слова он выпалил разом, совсем неожиданно, и замолчал.

Фрикетта не могла удержаться. Она расхохоталась, как сумасшедшая.

У матроса даже лоб вспотел от конфуза. Он испугался, уж не сказал ли он чего-нибудь лишнего. Фрикетте стало жаль матроса, который, ничего не имея, чтобы вознаградить свою благодетельницу, предлагал ей себя самого. Она перестала смеяться и задумалась.

– В конце концов отчего же нет? – проговорила она, подавая руку провансальцу. – Вы можете заменить мне моего верного Барку. Я не похожа на других женщин, и моим слугам приходится много и тяжело трудиться. Слушайте, я принимаю ваше предложение.

– И хорошо делаете, мадемуазель! – вскричал провансалец. – Я буду вам очень полезен. Мне сорок пять лет, я умею делать все что угодно: могу быть матросом, солдатом, кавалеристом, пехотинцем, артиллеристом, плотником, столяром, слесарем, портным, сапожником, рыбаком, санитаром...

– Вы очень скромны.

– Ну, положим, не очень... Да ведь скромность выдумана людьми бездарными... Право же так!

И, проговорив это с неподражаемым апломбом, Мариус Кабуфиг приступил к исполнению своих обязанностей.

Нужно было видеть, как этот громадный и нескладный слон искусно перебирал тонкие и хрупкие инструменты, реторты и колбочки Фрикетты, составлявшие ее научный арсенал. И при этом ничего не повредил. Безмолвный и почтительный с Фрикеттой, он с другими был шумлив и хвастлив; своими провансальскими

рассказнями он возмущал степенных и чопорных испанцев. Но все его любили за добродушие и всегдашнюю готовность услужить и удружить.

Однажды Фрикетта и Долорес сидели на веранде госпиталя и оживленно болтали. Полковник Карлос, полулежа возле них на раздвижном кресле, курил сигару и мечтал.

Фрикетта рассказывала про свою жизнь, про свое ученье, научные занятия и виды на будущее. Долорес и ее брат слушали и удивлялись.

Нашим постоянным читателям прошлое мадемуазель Фрикетты, впрочем, известно хорошо по нашему роману «С Красным Крестом». Они помнят, как мадемуазель Амели Робер, прозванная Фрикеттой, изучила медицину и участвовала потом, в качестве военного врача, в трех кампаниях: китайской – в японских войсках, мадагаскарской – при французской армии и абиссинской – в войсках негуса Менелика.

После этих трех кампаний репутация Фрикетты укрепилась. Две большие газеты пригласили ее к себе в корреспондентки с поручением ехать на остров Кубу, где вспыхнуло восстание против испанского владычества. Красный Крест зачислил ее в свои сотрудницы. И вот опять мадемуазель Фрикетта понеслась на пароходе по морю и прибыла в Гавану, где испанские военные власти приняли ее с распростертыми объятиями, так как испанская армия очень и очень нуждалась в медицинской помощи.

И вот уже три месяца она неутомимо работала под сенью Красного Креста, возбуждая во всех удивление и симпатию.

Итак, мадемуазель Фрикетта, полковник Валиенте и донья Долорес сидели втроем на веранде. Вдруг к ним, осторожно ступая босыми ногами, подошел Мариус. Вид у него был мрачный и озабоченный.

– Что с тобой, Мариус? – спросила Фрикетта. – Qu'es aco? – пошутила она, передразнивая его акцент.

Провансалец огляделся кругом и таинственно вынул из кармана какое-то письмо, подавая его Фрикетте.

– Мне это передал какой-то волонтер и сказал: «Прячьте хорошенько, передайте по адресу осторожнее, а кто с ним попадется, тот будет расстрелян».

Фрикетта взяла письмо, прочитала и побледнела.

– Это очень серьезная вещь!

– Прочитайте, синьорита, – попросил дон Карлос.

Фрикетта стала тихо читать:

«Полковник Карлос!

Преданный друг спешит предупредить вас и донью Долорес о следующем. Вы и ваша сестра почти здоровы. В скором времени вас посадят на военный корабль и отвезут в Цеуту. Там вас заключат в острог, где томится без суда столько ваших товарищей по оружию. Что касается вашей сестры, то ее предполагают заключить в тюрьму где-нибудь в Испании. Приказ об этом если не подписан еще, то скоро будет подписан. Предупреждая вас об этом, я плачу долг благодарности. Поступите, как найдете нужным».

– Острог и тюрьма! – воскликнул полковник. – По-моему, уж лучше смерть. А ты как, сестра?

– По-моему, тоже лучше смерть.

– Умереть вы всегда успеете, – сказала Фрикетта. – Кроме смерти есть еще одно средство.

– Какое же?

– Побег.

– Но он невозможен!

– Почему? Попробуйте... Или вот что: давайте попробуем вместе.

Глава IV

Куба, первая большая земля в Новом Свете, открытая Колумбом в 1492 году, представляет собою самый крупный из Антильских островов. Длина Кубы от мыса Маори до мыса Сан-Антонио равняется тысяче тремстам километров, зато ширина нигде не превышает ста шестидесяти, а местами доходит только до сорока. Жителей считается полтора миллиона, включая сюда и китайских кули, появившихся на острове после освобождения негров, состоявшегося окончательно только в 1886 году.

Кули находятся на острове почти в таком же положении, в каком были и негры-невольники. «Цветной предрассудок» царит на Кубе до сих пор во всей силе: люди белой кожи с презрением смотрят на людей другого цвета, не считая их подобными себе и перенося это презрение даже на лиц, происходящих от смешанных браков. Кто не может доказать полной «белизны» своего происхождения, не имеет права проехать верхом или в экипаже по некоторым улицам Гаваны, кубинской столицы, – вот до чего доходит на Кубе «цветной» предрассудок.

Ни одной коронной должности не может занять человек, в жилах которого подозревается присутствие хотя бы нескольких капель «черной» крови, хотя бы этот человек был украшен всеми доблестями и обладал гениальнейшими способностями.

Происходит все это вследствие продолжительности существования рабства на Кубе, которое укоренилось там очень глубоко и выразалось в такой варварской, в такой чудовищной форме, как нигде больше. На негров смотрели хуже, чем на вьючный скот.

Рабство на Кубе отменено всего двенадцать лет тому назад. Мудрено ли, что на негров продолжают еще смотреть, как на существа низшие.

Фрикетта, как француженка, не имела понятия о подобных предрассудках и никак не могла с ними примириться. За неделю до получения роковой записки

она имела по поводу этого разговор с Долорес и была очень удивлена теми сведениями, которые от нее получила. Речь зашла о причине той смертельной ненависти, которую питал к Карлосу сеньор Агвилар-и-Вега.

– Ведь мы с Карлосом дети одного отца, но от разных матерей, – сказала Долорес. – Моя мать белой расы, а мать Карлоса была квартеронка.

– Что же из этого следует? – удивилась Фрикетта.

– Для меня и для вас – ровно ничего; разумеется, я его люблю всем сердцем. Но испанцы не могут ему простить его происхождения.

– Вот идиоты! – заметила Фрикетта.

– Моему брату предстояло войти с семейством дона Мануэля Агвилара в близкие отношения, о которых я пока не считаю себя вправе рассказывать...

На этом разговор оборвался, но Фрикетта поняла, что «цветной» предрассудок на Кубе может давать повод к кровавым драмам.

Как бы то ни было, свободе Карлоса и его сестры грозила большая опасность. Надо было их выручить, но как?

Бежать из Гаваны было очень трудно.

Столица Кубы – большой и красивый город с 270 000 жителей. С виду очень красивый, но внутри – до безобразия антисанитарный и неопрятный. Болотистый климат и неопрятность превратили его в настоящее гнездо не прекращающейся желтой лихорадки, холеры и дизентерии. Вода на рейде Гаваны – не вода, а какая-то отвратительная жидкость, клейкая и вонючая, винты пароходов то и дело вылавливают из нее всевозможные отбросы.

Расположен город на небольшом полуостровке. Древние укрепления делят его на две неравные части: старый город – на востоке и новый – на западе. Укрепления превращены теперь в бульвары с многочисленными воротами. На самом конце старого города находятся арсенал и военный госпиталь. Если бы Карлос и его сестра захотели убежать морем, то им пришлось бы пробираться в

лодке через рейд, по которому то и дело сновали военно-полицейские лодки.

Стало быть, о бегстве морем нечего было и думать.

Оставалось попробовать убежать сухим путем, то есть пройти через старый город, потом через новый и выйти на равнину. Это было опасно, так как город находился на военном положении и всех въезжающих и выезжающих подвергали строгим допросам.

Долго советовались друзья между собою. Мариуса тоже пригласили на совет, чем он был донельзя польщен.

Мариус сумел верно оценить обстановку. Он тоже находил, что побег морем немислим. С другой стороны, и железная дорога занималась теперь почти исключительно перевозкой солдат и военного материала. Пассажирские поезда почти совсем не ходили.

Он задумался.

– Вот что, – произнес он вдруг. – Ведь ездят же люди с военными поездами, отчего же нам нельзя?

– Ездят, но только солдаты, – заметил Карлос.

– А почему же нам не одеться испанскими солдатами и не сесть в вагон?

– Мысль недурная, – согласился Карлос. – Но где мы достанем мундиры?

– Здесь есть много мундиров с солдат, умерших от желтой лихорадки. Это неприятно, но что же делать...

– Ну конечно, где уж тут разбирать... Только бы добыть их... Но вы все говорите: «мы, для нас...» Кто же это – мы?

– Ах, Боже мой, вы и я.

- Так вы... так вы хотите разделить со мной опасности... нужду... горе...

- Э!.. Есть о чем говорить. Ведь нельзя же отпустить вас одного, когда вы на ногах еле держитесь от слабости. С вами непременно должен быть кто-нибудь.

- Послушайте, матрос, - с волнением произнес полковник, - вы храбрый и добрый человек.

- Рад стараться, господин полковник!

- Но вы забыли про мою сестру. Как мы уведем ее отсюда? Ведь часовые при госпитале точно так же обязаны пустить пулю в беглеца, как и часовые при тюрьме.

- О вашей сестре я сама позабочусь! - с живостью сказала Фрикетта.

- Мариус будет помогать вам, а я - сеньорите Долорес.

Молодая патриотка энергично воспротивилась такому намерению француженки.

- Нет, - сказала она, - я не могу допустить, чтобы вы жертвовали ради меня своей жизнью.

Фрикетта сделала рукой беззаботный жест.

- Вздор какой! - проговорила она. - Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

- А иногда бывают и две смерти, - вмешался Мариус и громко захохотал.

Долорес пробовала протестовать еще раз, но решение Фрикетты было неизменно.

- Я отправлюсь с вами, это решено, и не о чем больше спорить, - отрезала молодая француженка. - Я так хочу, а после - будь что будет!

Глава V

Выбраться из Гаваны пешком или на лошадях можно было только после исполнения целого ряда формальностей, удостоверяющих личность выходящего. При малейшем подозрении всякий, желавший улизнуть из города, попадал под военный суд, а затем и под расстрел. Фрикетте и ее друзьям оставалось только попробовать, нельзя ли уехать по железной дороге, хотя и тут был огромный риск. Но с военным поездом представлялась возможность уехать незаметно, так как тут всегда была большая толпа провожающих и в этой толпе можно было затеряться.

Только бы добраться до вокзала. Но как это сделать? Госпиталь охранялся строго. Фрикетте и ее матросу ничего не стоило выйти, но Карлосу и его сестре...

А время шло. Мариус уже пронюхал, что готовится транспортное судно для отсылки партии пленных в Европу. Охрана госпиталя удвоилась, и это пришлось скоро почувствовать даже самой Фрикетте, хотя она пленницей не была.

Однажды после шести часов вечера Фрикетта вздумала выйти погулять, желая воспользоваться короткими тропическими сумерками и подышать чистым воздухом. Вдруг часовой загородил ей дорогу:

- Нельзя!

Фрикетту в госпитале все знали и любили. Она это знала и потому удивилась и подумала, что тут ошибка.

Часовой грубо повторил:

- Нельзя!

Фрикетта рассердилась и сделала два шага вперед.

– Нельзя говорят вам! – еще громче закричал часовой. – Назад!

У Фрикетты даже губы побелели.

– А!.. Так вот как!.. Со мной, свободной француженкой, обращаются здесь как с пленницей!.. И это за все мои заботы и труды!.. Хорошо же!..

Вдруг она вспомнила о полковнике Валиенте и его сестре, и сердце у нее сжалось. Что, если их замыслы раскрыты?..

Фрикетта не стала разговаривать с часовым, исполнявшим только то, что ему было велено, вернулась в госпиталь и потребовала немедленного свидания с главным врачом. Он принял ее очень любезно, но как будто стеснялся чего-то. Фрикетта рассказала о случае с ней и объявила:

– Я желаю немедленно, сейчас же выйти отсюда.

– Это невозможно, мадемуазель.

– Как так – невозможно?

– Запрещено всем, по приказу коменданта города.

– Но я не все.

– Завтра после полудня сколько угодно, мадемуазель.

– Но что это значит?.. Ведь я не солдат, я иностранка, француженка. Ко мне это не может относиться...

– Дело в том, дитя мое, – мягким отеческим тоном произнес доктор, – что завтра должен отплыть в Европу транспорт с пленными, с государственными преступниками, многие из которых находятся здесь, в госпитале. Комендант опасается побегов... Принятые им меры не могут оскорблять вас лично, так как относятся ко всем без исключения.

– Все это одни слова, милостивый государь, а фактически я все же лишена свободы. Я потребую консульской защиты. В последний раз говорю вам: выпустите меня.

– Часовым отдан строгий приказ. Против вас будет употреблена сила. Все, что я могу для вас сделать, это послать от вас записку в комендантское управление.

– Милостивый государь, я не привыкла просить о том, чего имею право требовать. Против силы я, как женщина, ничего не могу поделать. Я поступила сюда на службу добровольно и служила верой и правдой, а между тем со мною поступают как с преступницей, вопреки всякому праву, вопреки всякой справедливости. Знайте же, что после этого я не останусь здесь больше. Прошу вас не рассчитывать на мои дальнейшие услуги. Я выхожу в отставку.

– Но, мадемуазель, подумайте... не горячитесь... зачем такая поспешность.

– Имею честь кланяться, милостивый государь.

Взбешенная Фрикетта покинула опешившего доктора и как буря промчалась к себе в комнату, где и заперлась.

Через некоторое время к ней вернулось ее обычное хладнокровие, то хладнокровие, с которым она проводила свои необыкновенные хирургические операции, удивлявшие старых и опытных врачей.

– Надо подумать хорошенько о том, как бы спасти Карлоса и Долорес, – сказала она себе. – У меня еще полсуток времени.

Не теряя ни минуты, она отправилась к своим друзьям и объяснила им ситуацию. Карлос и Долорес приняли тяжкое известие совершенно спокойно. Они были давно готовы ко всему. Полагая, что теперь все кончено, Карлос обратился к Фрикетте с просьбой дать ему и его сестре какого-нибудь яда, который бы действовал верно и быстро.

Фрикетта отказала наотрез.

– Рано еще, – пояснила она. – Это успеется.

- На что же вы надеетесь?

- Я надеюсь улизнуть вместе с вами от этих благородных гидальго, которые, как оказывается, хуже и грубее прусских солдат... Как! Не пропускать меня!.. Меня!.. Хорошо же!

- Скажите, что же нам теперь делать?

- Вам - ничего не делать. Будьте только готовы и ждите полуночи. Ждите и надейтесь!

С этими словами Фрикетта выпорхнула от них, как птица, и долго после того советовалась о чем-то с Мариусом.

К одиннадцати часам вечера лицо Фрикетты прояснилось. Мариус отдувался, как кит, сдерживая готовые вырваться у него восклицания радости и торжества. При свете догоравшей свечи он заканчивал ни более ни менее как гримировку своей собственной особы. Его черная борода превратилась в рыжую, какие нередко встречаются у испанцев. То же произошло и с его густыми лохматыми бровями. Стоя перед зеркалом, он смеялся и говорил Фрикетте:

- Э!.. Я теперь точно и не Мариус... Никому теперь меня не узнать, черт возьми!.. Вот так химия!.. Ведь это все химия сделала, мадемуазель, не правда ли?

- Химия, химия, Мариус. Она играет большую роль при всяком нашем побеге. Мне она сослужила не однажды хорошую службу... на Мадагаскаре и в Абиссинии... Ну, с этим, значит, кончено. А остальное готово у вас?

- Как же, мадемуазель, все готово.

- Так пойдемте к нашим узникам.

Провансалец взял под мышку три свертка средней величины и пошел за Фрикеттой по госпитальным коридорам, слабо освещенным газовыми рожками.

Приближалась полночь.

Фрикетта вошла в палату, где ее дожидались брат и сестра.

- Идите за мной! - сказала она им.

Она повела их по коридору, в котором Мариус поспешил завернуть все газовые рожки. Пройдя шагов двадцать, Фрикетта нащупала в стене коридора маленькую дверцу и, вынув ключ, отперла ее.

- Тут каменная лестница, - сказала она. - Двадцать ступеней. Спускайтесь осторожнее и ничему не удивляйтесь.

Пропустив всех вперед, она заперла дверь опять и спустилась сама с лестницы.

Противный пресный запах слышался на лестнице и в том помещении, куда она вела. На длинных столах, освещаемых единственным газовым рожком, лежало десятка два трупов.

- Покойницкая! - пролепетала Долорес, на разбитые нервы которой вся эта обстановка подействовала особенно сильно.

- Не робейте, ободритесь! - поддержала ее Фрикетта.

- Поле битвы не так ужасно, - заметил Карлос.

- Ничего, полковник, я тут лежал.

Полковник с удивлением взглянул на Мариуса с рыжими усами.

- Это все химия, полковник, - пояснил провансалец.

- Да он просто неузнаваем стал! - проговорил Карлос.

- Да, мне уже в третий раз удастся подобная химия, - заметила Фрикетта. - На Мадагаскаре помог фосфор, в Абиссинии я превратила себя в негритянку при помощи раствора ляписа, а теперь Мариуса вымыла водой с перекисью водорода... Однако, друзья мои, нам надо торопиться: слышите, ваш побег уже

замечен.

Действительно, наверху слышен был топот, беготня, возгласы.

– Мариус!

– Что угодно, мадемуазель?

– Поднимите плиту.

В тишине было слышно, как Мариус над чем-то пыхтит и возится, стараясь сдвинуть с места. В углу зала поднялась тяжелая большая плита, под которой оказалось черное вонючее отверстие.

Фрикетта взяла свечу и первая стала спускаться. Когда стала видна только ее голова, храбрая девушка сказала:

– Мариус и вы, полковник, понесете свертки с костюмами и оружием. Долорес пусть спускается за мной, а Мариус последним. Он же опустит опять плиту.

– Скажите только одно, мадемуазель, – сказал полковник, – где это мы находимся?

– В клоаке, которая должна быть связана с морем.

Глава VI

В подземном проходе скоро сделалось очень душно: он был низок и узок, так что идти можно было только согнувшись в три погибели.

Четыре беглеца двигались гуськом, близко держась друг от друга и увязая ногами в вонючей жиже, прикрывавшей гущу, образовавшуюся на дне от осадка

нечистот.

Им уже начало болезненно давить виски, в глазах ходили огненно-красные круги. Они были близки к обмороку. Полковник, еще не вполне оправившийся после болезни, почти совершенно лишился сил. Шедший сзади него Мариус чувствовал, как тот пошатывается и спотыкается. В такие минуты провансалец подхватывал несчастного и не давал ему упасть. Долорес здоровой рукой цеплялась за Фрикетту. Фрикетта время от времени говорила:

- Не теряйте бодрости!.. Еще немного - и мы выйдем на воздух. Этот подземный ход не должен быть длинен.

Но, ободряя других, бедняжка сама задыхалась в отвратительном смраде.

Так беглецы прошли еще шагов двенадцать. Вдруг до их слуха донесся слабый плеск.

«Это море! Мы спасены!» - подумали разом все четверо.

Подземный ход расширялся, воздух становился не так удушлив. Плеск становился все слышнее.

«А ведь это, пожалуй, прилив!» - подумала Фрикетта.

Она остановилась перевести дух.

- Боже мой! - воскликнула Долорес. - Вода прибывает!

- Да, - согласилась Фрикетта. - Надо идти как можно скорее. Я все-таки надеюсь, что мы успеем дойти вовремя.

Клоака настолько расширилась, что теперь можно было идти совершенно свободно. Вонь и духота тоже уменьшились. Но зато уровень воды быстро поднимался. Фрикетте она доходила уже почти до колена.

- Скорее! Скорее! - крикнула она, устремляясь вперед.

Вот он наконец, этот желанный выход. Беглецы достигли его... Но – о ужас! – он оказался закрытым крепкой и густой железной решеткой, вделанной в каменные стенки подземного канала.

Препятствие казалось неустрашимым.

Долорес зарыдала. Полковник заскрежетал зубами.

Мариус выпустил град самых живописных провансальских ругательств.

Фрикетта молча смотрела на решетку.

– Пропустите меня вперед, мадемуазель, – обратился к ней Мариус. – Я должен все-таки попробовать...

Он схватился за железные прутья, напряг все мускулы – и ничего не сделал.

Решетка не поддавалась.

– Черт возьми! – воскликнул провансалец. – Да она прекрепкая!

Вода между тем прибывала. Она была уже выше колен.

Неужели, избежав удушения, беглецам суждено будет утонуть?

Мариус продолжал раскачивать решетку, не переставая отчаянно браниться.

Полковник попробовал ему помочь, но что мог он сделать? Он сам был слабее мухи.

Так прошло еще с полчаса. Вода поднялась беглецам до пояса.

Еще несколько минут – и смерть...

Мариус постоял несколько секунд неподвижно, собираясь с силами.

Вот он снова схватился за решетку своими могучими руками. Потянув в себя всей грудью воздух, он вцепился в решетку и дернул ее к себе так сильно, что даже его собственные кости затрещали.

Решетка не сдвинулась.

– Черт побери, не могу! – закричал матрос. – Это выше моих сил!

Под сводом оставалась только треть непокрытого водою пространства. Фрикетта вынуждена была поднять высоко ту руку, в которой держала свечу.

Ей вдруг пришла в голову новая мысль.

– Мариус! – сказала она. – Вы тащили решетку к себе. Попробуем навалиться на нее, может быть, она опрокинется в ту сторону.

Тогда все четверо беглецов, больные и здоровые, навалились на решетку.

– О! О-о!.. Ну-ка, ну!.. Еще!.. Так!..

Раздался громкий треск. Решетка подалась и упала вперед, увлекая за собой и всех беглецов.

Свечка Фрикетты упала в воду и погасла, так что беглецы очутились в полной темноте.

Напор был настолько силен, что беглецы по инерции выскочили из прохода прямо в воду, омывавшую старые стены госпиталя.

Но они превосходно плавали и не испугались воды. Хладнокровие их и подготовленность ко всяким сюрпризам были настолько велики, что они даже не вскрикнули.

Они поплыли, не зная куда, как вдруг Мариус запутался в веревке, протянутой поперек.

– Э! – вскричал он. – К стене прикреплена веревка... Надобно отыскать, где другой конец.

Он приподнялся из воды и при свете звезд разглядел какой-то темный предмет, качавшийся на волнах.

– Лодка! – вполголоса произнес он. – Бог нас не оставляет.

Он подплыл к лодке и взялся рукою за борт, чтобы влезть в нее.

В лодке на скамейке дремал человек. Он выпрямился, и провансалец увидел, что у него в руке что-то сверкнуло.

Не предупредив, не спросив, что нужно Мариусу, друг он или враг, – неизвестный лодочник замахнулся на Мариуса.

Тот поймал его руку и стиснул в своей.

– Что это ты вздумал убивать меня, приятель? – насмешливо произнес Мариус. – Я еще ничего тебе худого не сделал. Но если так, погоди же.

Прежде чем лодочник успел опомниться, Мариус насел на него – и завязалась борьба, безмолвная, но ужасная – на смерть.

Послышался плеск от падения чего-то тяжелого в воду.

– Ну, вот тебе... Это тебе за дело. Ты должен был уступить мне лодку добром. С моей стороны, тут только законная самозащита – не больше... Эй, друзья! Садитесь все скорее!

Он помог молодым девушкам взобраться в лодку и такую же услугу оказал полковнику.

– Здесь два весла в уключинах и руль. Отлично! Превосходно!

Нож, оброненный прежним владельцем лодки, лежал на скамейке. Мариус увидел его и перерезал им веревку.

- Вы не ранены, Мариус? - спросила Фрикетта.

- Пустяки... Царапинка маленькая. Я ведь остерегался.

И провансалец прибавил:

- Не угодно ли будет вам, полковник, взяться за руль, а я сяду к веслам. Вы должны править, потому что я совсем не знаю здешних мест.

- Зато мне знаком каждый закоулок, - отозвался офицер.

Лодка поплыла.

- А как же тот несчастный? - вспомнила Фрикетта. - Ему бы следовало оказать помощь...

- Успокойтесь, мадемуазель, - возразил Мариус, - я его так обработал, что ему уже никакая помощь не нужна.

- О Мариус! Неужели вы его убили?

- Что делать, мадемуазель, так пришлось... Война-то ведь не свой брат... А главное - зачем он первый полез на меня?

Лодка бесшумно скользила, искусно направляемая полковником по неосвещенным местам. На юг от беглецов светилось три или четыре огонька. Полковник направил лодку на них и сказал матросу:

- Потихоньку обернитесь немного... Видите эту полутемную громаду доков?

- Вижу. Я знаю их. Там меня подняли, когда я упал в припадке желтой лихорадки.

– Туда мы и направимся.

– Великолепная мысль, полковник. Там все есть: вагоны пустые, вагоны с товарами, бочки, ящики, тюки – сам шут не разберется в этом столпотворении. Там легко спрятаться.

Глава VII

Десять минут спустя лодка причалила к размытому водою местечку дока.

Полковник высадился первый, чтобы в случае встречи с кем-либо объяснить свое присутствие. Мариус же говорил по-испански точь-в-точь как голландская корова, а таких познаний в языке было, разумеется, маловато для того, чтобы объясниться с местными жителями.

Полковник Карлос ступил несколько шагов и уже хотел сказать товарищам, чтобы они тоже выходили на берег, как вдруг послышался звучный окрик:

– Кто идет?

В то же время полковник заметил блеск штыка очень близко от своей груди.

Он остановился, спокойный и бесстрашный. Не отвечая на вопрос, он стал тихо насвистывать какую-то мелодию.

Штык опустил, и тот же голос тихо проговорил:

– Железо крепко, а кровь красна.

Полковник сказал:

– Здравствуй, брат.

Часовой отозвался:

- Здравствуй, брат.

- Твой номер?

- 212.

- Ты - Антонио Гальо, таможенный.

- А ты - Карлос Валиенте, наш полковник?

- Тише, тише!.. Я освободился из плена благодаря молодой француженке из Красного Креста и вот этому моряку.

Фрикетта и Мариус слушали этот разговор и удивлялись.

- У нас везде есть сообщники, - пояснила шепотом Долорес Фрикетте.

- Этот таможенный тоже из наших.

Таможенный сказал Фрикетте и Мариусу несколько слов приветов и благодарности и спросил Карлоса:

- Что же ты теперь думаешь делать?

- Я хочу выехать из Гаваны с сестрой, француженкой и матросом и вернуться в армию Масео.

- Отлично. А здесь - полный беспорядок... Посылают подкрепления в провинцию Пинар-дель-Рио. Военный поезд уже приготовлен.

- Мы отправляемся этим поездом.

- Я помогу вам.

– У нас с собой костюмы. Где бы нам переодеться?

– В любом из порожних вагонов.

Четыре беглеца выбрали себе каждый по вагону и отправились переодеваться. Все их вещи были подмочены в море, но это ничего не значило. Ночь была теплая, и простуды нечего было опасаться.

Переодевшись, беглецы вышли из вагонов и собрались у газового фонаря, чтобы осмотреть друг друга.

Полковник Карлос был одет простым пехотным солдатом. С повязкой на левом глазу он был неузнаваем.

Мариус оделся погонщиком мулов, а Долорес и Фрикетта – деревенскими женщинами.

Время шло. Док стал оживать. У вагонов толпились носильщики, ремесленники. Потом появились женщины и дети. Затем начали показываться и войска – пехота и артиллерия.

Солдаты шли молча и как будто неохотно. Незадолго до рассвета их стали размещать по вагонам. Таможенный дал полковнику ружье со штыком и полный ранец. Мариус получил мушкетон с зарядами. Все четверо, не исключая и барышень, получили, кроме того, по карманному револьверу. Беглецы смешались с толпой, не обратив на себя внимания, и заняли место в вагоне среди солдат; этих солдат провожали жены и сестры, намеревавшиеся ехать с ними до первых аванпостов.

Рядом с Фрикеттой села молодая женщина с пятилетним ребенком на руках и с собакой, сейчас же забравшейся под лавку. Напротив сидел муж молодой женщины, красивый молодой человек в мундире унтер-офицера милиции. Он грустно улыбался жене и ласково гладил рукой смуглую головку ребенка. Глаза молодой женщины были полны слез.

Фрикетта сразу поняла семейную драму...

Наступал час отъезда. К поезду прицепили локомотив. Стало совсем светло. По вагонам бегали полицейские, между ними Фрикетта узнала служителей госпиталя. Очевидно, побег был обнаружен и беглецов искали.

Узнают их или нет?

Полицейские зорко окидывали взглядом всех пассажиров, заглядывали во все окна. Рыжие волосы Мариуса сбили их с толку. Полковник Карлос в одежде нижнего чина совершенно не обратил на себя их внимания. Фрикетта несколько раз нарочно чихнула, чтобы гримасой изменить свою физиономию, а потом принялась сморкаться. Долорес принялась усиленно есть большой сладкий лимон, прикрыв себе рот и часть щеки...

Полицейские прошли мимо.

Беглецы были спасены.

Поезд медленно отошел от платформы.

Двигался он медленно – всего пятнадцать верст в час.

Дело в том, что инсургенты нападали на правительственные поезда, устраивая крушения. Поэтому поезд, в котором ехали наши беглецы, находился под охраной ружей, торчавших из всех окон. Машинист, кочегар, все кондукторы были вооружены с ног до головы.

Поезд миновал Сан-Антонио и шел теперь между Венданнерой и Сейбой; в этом месте дорога делает довольно значительный изгиб.

Вдруг раздался страшнейший грохот. Поезд внезапно остановился, содрогнувшись весь от первого вагона до последнего. Вагоны полезли на вагоны, раздался треск, многие из них разбились; послышались стоны получивших ушибы. В то же время вокруг поезда затрещала ружейная пальба.

Под поездом взорвался динамит, который подложили инсургенты.

Завязалась перестрелка. Солдаты в поезде отстреливались, как могли. Каждое окно, каждая дверь вагона превратились в бойницы, из которых сверкали выстрелы. Инсургентские пули влетали в вагоны и поражали многих.

Почти одновременно получили смертельные раны молодой унтер-офицер милиции и его жена. Ребенок их с тоской и плачем теребил труп матери, умоляя ее проснуться и встать... Собака сидела возле трупов и громко выла.

Полковник Карлос видел, что идет в сущности бесполезное кровопролитие. Он сорвал с себя платок, которым у него был завязан левый глаз, надел его на штык и стал махать им из окна. Инсургенты сейчас же прекратили пальбу. Прекратили ее и испанцы.

Инсургенты приблизились к поезду. Они потребовали только выдачи поезда, всего военного материала и оружия, а затем испанские солдаты могли свободно уходить.

Между тем несчастный сиротка продолжал плакать. Фрикетта взяла его на руки, лаская и утешая. Малютка скоро затих, и они вышли из вагона.

Собака тоже вышла следом за Фрикеттой.

Инсургенты в какие-нибудь пять минут заложили в каждый вагон динамит и зажгли фитиль. Еще через пять минут раздался страшный взрыв – поезд и весь военный материал взлетели на воздух.

Начальник инсургентов, высокий и красивый мулат с генеральскими эполетами, лет сорока восьми на вид, подошел к испанским солдатам и сказал им:

– Вы свободны, солдаты. Можете идти. Вы исполнили свой долг; нам не нужно вашей крови, мы хотели только уничтожить военное снаряжение.

Солдаты удалились. Остался лишь Карлос со своими друзьями. Тут только заметил его инсургентский вождь.

– Карлос! – вскричал он. – Карлос Валиенте!.. Ты свободен!.. А мы уж не думали увидеть тебя живым.

– Да, генерал, я свободен, по милости вот этих французов: мадемуазель Фрикетты и ее слуги, матроса Мариуса.

Генерал протянул руку Мариусу и раскланялся с Фрикеттой.

– Сеньорита, – сказал он, – Антонио Масео благодарит вас от имени свободной Кубы.

Глава VIII

Восстание на Кубе началось 24 февраля 1895 года, и с тех пор междоусобие не перестает раздирать несчастный остров.

Восставшие избегают регулярных битв с испанскими войсками, допекая их партизанскими стычками, уничтожая магазины, склады, нападая на железнодорожные поезда.

Война ведется кубинцами с упорством и настойчивостью, доходящей до героизма. В сущности, кубинцы ничего особенного не требуют, лишь самых элементарных человеческих прав, и удивительно не это, а то, что до сих пор они были лишены этих прав. Кубинцы желают только того, что есть у испанцев, они ищут уравнивания в правах. Испания отвечает на эти домогательства стремлением сохранить *statum quo*, без всяких изменений...

Во многом испанцы заслуживают полнейшей симпатии; это нация храбрая, благородная; но здесь, в этом злосчастном кубинском вопросе – они положительно не правы.

Северо-Американские Соединенные штаты не скрывают своего сочувствия восставшей Кубе и всячески помогают инсургентам: дают им денег, доставляют оружие, военные припасы, оказывают дипломатическое давление на испанское правительство. Благодаря этому восстание не только не унимается, а растет.

Покончив с поездом, Антонио Масео вернулся в свой лагерь, где у него был сосредоточен отборный отряд в три тысячи человек. С этим отрядом он совершал партизанские операции почти у самых ворот Гаваны.

В отряде оказалось пять убитых и пятнадцать раненых.

Мертвых похоронили – разумеется наскоро, по-солдатски. Большая яма, крест из двух ветвей, товарищеское прощание – и все.

Раненым сделали перевязку, положили их на носилки и понесли. У инсургентов оказалась, к удивлению Фрикетты, прекрасно организованная военно-медицинская часть. Все опять благодаря тем же американцам. Главным медиком был доктор Серрано, личный друг Масео и убежденный сторонник независимости Кубы.

Чтобы избавить Фрикетту и Долорес от ходьбы пешком, Масео предложил им верховых лошадей.

Фрикетта была очень плохая наездница, но ей было стыдно в этом сознаться, и потому она, отклоняя предложение Масео, привела другую причину.

– Лучше позвольте мне воспользоваться мулом, – сказала она, – потому что мне не хочется расставаться с этим милым мальчиком. С ним вдвоем я гораздо лучше устроюсь на муле.

– Как вам будет угодно, сеньорита. Ну, а вы, матрос, какого зверя предпочтете? – обратился он к Мариусу.

– О, мне решительно все равно, генерал. Я ездил и на лошадях, и на мулах, и на верблюдах, и на слонах, и на ослах, и на быках.

– Так выберите себе коня.

– Благодарю вас... Но если вы позволите, я с большей охотой буду сопровождать свою барышню пешком, потому что я отличный ходок и отбывал воинскую повинность в пехоте.

– Как хотите, мой друг.

Долорес, превосходная наездница от природы, тем временем уже выбрала себе прекрасного гнедого коня и трепала его по шее.

Оставалось пристроить полковника Карлоса.

Несмотря на свою слабость, он непременно хотел ехать верхом и сопровождать отряд до лагеря.

– Тебе нужно бы несколько дней отдохнуть, – сказал Масео, пораженный его бледностью.

– Оставаться в бездействии, когда мои братья сражаются? Ни за что!

– Да у меня для тебя сейчас и отряда нет отдельного.

– Ничего. Я буду сражаться простым волонтером.

– Ты все время будешь при мне, а когда вернемся в провинцию Пинар-дель-Рио, ты получишь эскадрон конных волонтеров.

Когда отряд вернулся в лагерь, воины скудно позавтракали, запив свой завтрак простой водой. Неутомимый Антонио Масео отправился верхом объезжать посты, осматривать укрепления и проверять караулы. Возвратившись, он обошел раненых, и для каждого у него нашлось слово приветствия и утешения.

Тем временем Фрикетта возилась с ребенком, расточая ему чисто материнские ласки и заботы.

Бедняжка не хотел ничего есть в все время молча плакал, по временам всхлипывая так горько, что у Фрикетты всякий раз сжималось сердце.

Сирота звал то отца, то мать. Больше мать. Зачем она не идет к нему? Зачем осталась лежать в вагоне? Зачем у нее дырка в голове, и из дырки кровь бежит? Зачем? О мама, мама, мама!..

Фрикетта подыскивала подходящие нежные слова по-испански – и не находила. Тогда она стала говорить по-французски, плакала вместе с мальчиком, прижимала его к себе...

Собака не отходила от мальчика и Фрикетты. Она повизгивала жалобно, как будто понимая все происходящее.

– Bravo!.. Милый мой Bravo!.. – говорил мальчик. – У твоего Пабло нет больше ни папы, ни мамы!

Из этих слов Фрикетта поняла, что мальчика зовут Пабло, а собаку Bravo.

Более двух часов проплакал ребенок, потом понемногу затих. Фрикетта взяла его за ручку и повела по лагерю. Лагерная суета, шум, лошади, оружие – все это заняло ребенка, развлекло его. Фрикетта гуляла с ним долго, так что он утомился и захотел спать. Фрикетта вернулась в лазарет и уложила мальчика на мягкой койке, где он сейчас же крепко заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Инсургент (лат.) – участник восстания.

Короткое лезвие, насаженное на длинную палку. – Примеч. переводч.

Купить: <https://tellnovel.com/lui-bussenar/pylayuschiy-ostrov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)